

84(2Р-4Кем)6

М26

Татьяна Маркина

НУЖНО ВЕРИТЬ

рассказы

Центральной
с тенной

Австро-
Венгерской

Австро-
Венгерской

Австро-
Венгерской

Австро-
Венгерской

84(2P-4Кен)6
М 26

Татьяна Маркинова

Нужно верить

рассказы

Н/З

Иллюстрации
Екатерины Фроловой

Издательство Эдитус
Москва

2023

МАУ «ЦБС
г. Белово»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маркинова Т. Н.

М26 Нужно верить. — М.: Эдитус, 2023. — 56 с.

ISBN 978-5-00217-036-4

Как быть, если твои родные умирают от голода? Чем ты можешь помочь своей семье, если ты еще ребенок. Ребенок, которому довелось жить во время войны. Той самой, что унесла миллионы жизней. Рассказ «История Ванюшки» как раз об этом. О борьбе за свою жизнь, за жизнь своих родных. В рассказе «Где-то в тайге» главная героиня тоже еще ребенок. Однако возраст не помеха для проявления силы духа и смелости. Мы все это знаем.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дорогой читатель!

Перед Вами ещё одна моя книга, в которой я рассказываю о жизни простых людей. Маленькие герои моих рассказов добрые, отзывчивые и любящие. Они готовы на всё ради близких и родных. Впрочем, как и каждый из нас!

Очень надеюсь и верю, что книга Вам понравится, что Вы прочтёте её до последней страницы, сохранив при этом в своём сердце щемящие чувства теплоты, нежности и лёгкой ностальгии.

С огромной любовью и самыми добрыми
пожеланиями Татьяна Маркинова

История Ванюшки

Ванюшка проснулся раньше всех. В избе было холодно. На печи спали его больная мать и младшие братья. Мальчик неохотно выбрался из-под старого тулупа, который остался ещё от отца, и посмотрел в мутное окно. На улице начинало светать.

В животе заурчало. Ванюшка вспомнил, что не ел уже два дня. Да и братья его с матерью тоже.

— Ты уже проснулся? — раздался с печи тихий голос матери.

— Да, пойду к председателю. Попрошу у него работу. А вы спите. Нечего на улице делать. Сыро там, — шёпотом, но строго, совсем по-взрослому произнёс Ванюшка.

На самом деле мальчику было двенадцать лет, но выглядел он как восьмилетний. Маленький и худенький. С тоненькой шеей, на которой виднелись синие венки. Его редкие русые волосёнки торчали в разные стороны. Сразу было понятно, что гребень их уже давно не касался. Но мальчик не обращал внимания на такие мелочи. Впрочем, не до внешности

было парнишке. Мучила его одна горестная мысль — нужно было найти работу, ведь он в семье теперь главный и должен позаботиться о матери и младших ребятишках.

Обмотав ноги серыми портянками, обувшись в уже изрядно поношенные сапоги и надев дырявую, когда-то отцовскую фуфайку, мальчишка прихватил с лавки большой картуз с поломанным козырьком и, чуть скрипнув дверью, вышел в сени. В сенях пахло гнилыми досками и сухим укропом, что висел у дверей, напоминая о наступающем лете.

Задержавшись на крылечке, Ванюшка осмотрел своё хозяйство. У прясла всё ещё местами лежали комья грязного снега, а рядом с ними — кучи прошлогодней картофельной ботвы. Через несколько дней уже надо будет браться за уборку — сжигать мусор и копать огород.

Думая о том, где взять картошку на посадку, под звуки чавкающей под ногами грязи мальчик шёл по деревенской дороге к председателю с надеждой, что тот ему поможет — даст работу, а значит и хлебный паёк, которого Ванюшка не видел уже довольно давно. Как они выживали всё это время после закрытия завода он и сам не знал.

Когда началась война, отец его добровольцем ушёл на фронт. Спустя два года он погиб. Ванюшка и вся его семья очень скорбела о потере кормильца и всеми силами старалась выжить в тех суровых условиях.

Ещё в начале войны возле деревни, где жил Ванюшка, поставили завод, который привезли сюда, в тыл, издалека. Здесь местные жители день и ночь мастерили снаряды. Мать и Ванюшка, которому на тот момент было всего восемь лет, работали там же. Они вставали к станку с рассветом и ворочали тяжёлые металлические снаряды, зарабатывая себе и маленьким Сашке и Мишке на хлеб. Да, было трудно, еды не хватало. От голода Ванюшка всё время чувствовал слабость. Он быстро уставал, но, понимая, что, кроме него, больше никому, собирал свои силёнки в кулачок и работал наравне со взрослыми и другими детьми. На последних и держался завод. Именно мальчишки и девчонки, чтобы выполнить норму по изготовлению боеприпасов, стояли у станков дни и ночи напролёт.

Бывало даже такое, что взрослые, не выдержав непосильной нагрузки, сбегали со смены, но Ванюшка не смел. Да, он был самым маленьким — остальные дети были старше десяти лет, — но едва ли не самым ответственным и серьёзным.

Частенько во время смен маленькие работники падали в обморок от изнеможения, а случалось, что и умирали. Каждый раз в такие моменты у Ванюшки сжималось сердце. Он тоже боялся, что не выдержит тяжёлого графика, но мысли о младших братьях, об отце, который погиб на фронте, придавали ему сил. А ещё сил придавали надежда и вера, что когда-нибудь наступит мир и он сможет пойти в школу.

Четыре года проработал на заводе мальчонка, помогал семье как мог, как умел. Иногда, когда его

смена заканчивалась, он вставал у станка вместо матери, чтобы та хоть немного могла побыть дома, Сашке с Мишкой рубашонки постирать. Помогал фронту, надеясь всем сердцем, что своим трудом он приближает победу, что он тоже внёс свой, пусть и небольшой, но вклад в борьбу с врагом.

И вот наступил День Победы. Все были счастливы. Ура! Наконец можно перевести дух, отдохнуть от каторжного труда и сбросить оковы постоянного страха. Пришла пора начать налаживать быт, свою жизнь. Так думали люди. Но не тут-то было. Война закончилась, однако кругом царила разруха, голодали по-прежнему, потому что работы не стало. С окончанием войны завод по сборке снарядов закрыли, а оборудование увезли в другой далёкий город.

Мать Ванюшки, оставшись без хлебного пайка и не зная, где его заработать, помыкалась, помыкалась и слегла. Вот уже несколько недель спускалась с печи только раз в день, чтобы сходить по нужде. Теперь она постоянно лежала под старым грязным тряпьем, время от времени приподнимая голову, чтобы посмотреть на ребятишек.

Горько было Ванюшке глядеть на мать, которая всю войну работала наравне с мужиками и ни разу не охнула, не пожаловалась на суровую жизнь. Тянула семью, как могла, отдавая свой паёк детям. Себе оставляла лишь крохи, чтобы были силы проснуться на следующее утро и снова пойти на работу. Ванюшка вспоминал, какая мать была до войны. Весёлая, красивая, улыбчивая, а сейчас почти седая, худенькая,

сгорбленная. Если бы сегодня её увидел муж, которого она пять лет назад провожала на войну, он бы свою любимую не узнал. Настолько она изменилась, состарилась не только внешне, но и внутренне.

Ванюшка шёл по деревне, вспоминал свою работу на заводе и думал, что хоть она и была не из лёгких, но зато постоянная. Младшим братьям всё же доставался хлебушек, пусть и по чуть-чуть, а теперь он не уверен, сможет ли хоть что-то заработать, чтобы накормить мать и братьев. Он шёл по широкой улице и прислушивался к далёкому гулу проезжающего поезда. Эх, услышать бы крики петухов! До войны в каждом дворе был свой петух. Сейчас на всю округу не осталось ни одного. Последний, у соседей Ванюшки, зимой издох от голода.

Деревня, в которой жил мальчик с семьёй, была небольшой. Всего-то в две улицы, но очень длинных. Находилась она в семи километрах от города Н., что было очень удобно. Именно из-за железной дороги и близости к городу завод сюда и эвакуировали. Правда, сейчас от него не осталось и следа.

Думая о родных, которые ждут его с добрыми новостями, мальчик дошёл до раскомандировки, куда каждое утро забегал председатель, чтобы распределить обязанности среди работников. Впрочем, обязанности особо не менялись, но всё равно так уже привыкли и поэтому так нужно было делать.

То же самое было и этим утром. Стоило только Ванюшке дойти до покосившейся старенькой, с маленькими окошками мазанки, как из-за угла вывернул сам председатель Николай Лукич. Пожилой уже человек, но всё ещё в силе. Громким голосом он поприветствовал всех присутствующих, глянул и на мальчика. Видимо, понял, зачем тот явился.

К председателю подошёл бригадир, сухой столетний дедушка, который по совместительству работал и конюхом, и сторожем, и бог ещё знает кем. Работы выполнял много, как и все другие работники. Давно он уже собирался на отдых, да всё никак не получалось. Дела передать свои было некому. Вот скоро мужики с войны начнут возвращаться, тогда-то он и отдохнёт.

Ванюшка терпеливо стоял в сторонке. Наблюдал за разговором взрослых. Дав распоряжения, председатель наконец-то подошёл и к нему.

— Чего ты здесь в такую рань? — спросил он мальчика.

— Знаете ведь зачем, — просительно заглянул в глаза председателю малец.

— Говори. Не тяни время, — нахмурился Николай Лукич.

— Работа мне нужна. Мамка и ребяташки уж какой день не знамо чем живут. В доме шаром покати, — грустно ответил мальчуган.

— Нету для тебя подходящей работы. Мал ты еще, — отвёл взгляд в сторону председатель.

— Как это мал? Как это мал? — дрожащим голосом быстро заговорил Ванюшка. — В войну на заводе по четырнадцать, а то и шестнадцать часов работал, мал не был, а тут мал? Как же так?

— Война закончилась. О школе надо думать. Пусть теперь другие работают. Хватит детям горбушки ломать, — продолжая смотреть вдаль, ответил Николай Лукич.

— А как же мне сейчас жить? Чем кормить семью? Отец-то у меня погиб. Я за него остался, — чуть не плача лепетал Ванюшка. В глазах мальчишки потемнело, сердце сжалось от несправедливой обиды. Сколько лет он на заводе трудился, мастером почти стал, а тут оказался никому не нужен! Даже председатель, зная его заботы, отказался ему помочь.

— Извини, брат. Ну, нету у меня для тебя работы. Нету, — отрезал Николай Лукич и стремительно зашагал к сельсовету, где уже начали собираться бабки, все с какими-то просьбами: у кого дрова закончились, у кого печь развалилась. У всех были свои проблемы, которые нужно было решать.

Постояв немного и проводив грустным взглядом сутулую фигуру Николая Лукича, мальчик вытер выступившие слёзы. Он сделал шаг и чуть не упал от усилившейся дрожи в ногах не то от голода, не то от собственного бессилия. В этот момент он почувствовал себя таким маленьким, слабым и беспомощным, что ему захотелось просто рухнуть на

мёрзлую землю и больше не вставать. Казалось, душа вот-вот покинет его уставшее тело, и наконец-то настанет облегчение, свобода, о которой он уже и думать забыл.

Сколько пережил двенадцатилетний мальчуган за это непростое время, сколько передумал, понимая свою ответственность перед родными, осознавая, что их жизни зависят теперь от него, известно только одному Богу. А теперь вот с работой не ладилось...

Ванюшка сглотнул ком в горле. Он понял, что ничего другого ему больше не оставалось, как попытаться счастья в городе. Шансов найти хоть что-то тоже было мало, потому что деревенские ребята постарше уже отправились туда на заработки, к тому же и своих городских безработных хватало. Но что ему было делать?

Мальчишка поправил свой неказистый картуз и зашагал по обочине дороги в сторону города. Благо он находился не так уж далеко. Напрямки, через лесок, было ещё ближе. Одна беда, прошёл слух, что местные видели в том лесочке пару тощих волков, которые запросто могли загрызть человека, тем более безоружного. Подумав немного и пересилив страх перед хищниками, мальчик всё же решил идти короткой дорогой.

Погрузившись в свои безрадостные мысли, Ванюшка не заметил, как добрался до города. Не раздумывая, он сразу направился к рынку, где, как ему казалось, вероятность заработать на корку хлеба

была немного выше. Он не мечтал найти постоянную работу, но в его душе теплилась надежда, что какой-нибудь добрый человек сжалятся над ним и даст возможность получить хоть пару медяков.

— Дяденька, дяденька, нет ли у вас для меня работы? Я всё могу, — обратился Ванюшка к первому встречному.

— Иди отсюда. Не болтайся под ногами, — цыкнул на него беззубый дядька с редкой рыжей щетиной.

— Тётенька, давайте я помогу вам корзины донести, — предложил мальчик помощь толстой рябой тётке, которая, пыхтя, тащила две корзины белья. Видимо, направлялась к прачке.

— Сама я ещё в силах. Донесу, — взглядом оттолкнула его тётка, продолжая бубнить себе под нос: — Развелось ворья. Глаз да глаз нужен. О-хо-хо. Так и середь бела дня обворуют. Никто и пальцем не пошевелит, чтобы помочь.

Увидев вдалеке милиционера, Ванюшка кинулся было к нему, чтобы попросить работы, но потом остановился, задумался: тот, скорее, не работу ему даст, а велит возвращаться в деревню. А как он домой вернётся? С чем? Там ведь мать и Сашка с Мишкой его ждут. Наверное, все глаза проглядели в окошко. Думают, что он вот-вот придёт и еду принесёт.

Полдня мальчишка по рынку крутился. Работы и здесь для него не было. Отправился он тогда бродить по городу. Заходил в каждый двор,

спрашивая, не нужна ли кому рабочая сила. Но люди, узнав, что в качестве рабочей силы мальчик предлагает себя, шарахались от него в сторону. Не верили они, что такой худенький, маленький, с тёмными кругами под глазами и трясущимися руками человек может выполнять какую-то работу. Уж больно хрупкий. Казалось, он на ногах-то еле стоит, какой уж из него работник!

— Сколько лет-то тебе, мужичок? — спросил его седовласый старик, когда Ванюшка обратился к нему с предложением выполнить любую работу. Пусть не за деньги. Пусть за еду. Ему всё сойдёт.

— Двенадцать мне в этом году, по зиме, исполнилось, — вытянулся мальчик, чтобы выглядеть повыше.

— Шутишь ты, однако. Не дашь тебе столько, — недоверчиво покачал головой старичок.

— Не до шуток мне, дедушка, — грустно вздохнул Ванюшка. — Правда, мне двенадцать лет. Просто я раньше на заводе работал. Слышали ведь, наверно, стоял тут у нас во время войны? Работал я так много, что расти забывал. Каким был до войны, таким и остался.

— Ну, ничего. Скоро всё на лад пойдёт. Подрастёшь ещё. — Выслушав его ответ, старичок было пошёл дальше, но вдруг остановился, порылся в своей полупустой сумке, достал оттуда маленький чёрствый, как камень, пряник и подал его Ванюшке.

— Не нужно. Что вы? Я могу заработать, — испугался тот.

— Бери, пока дают, — улыбнулся дед и сунул мальцу пряник за пазуху.

Не удержался Ванюшка, прижался к старичку. Хотел поцеловать его сухонькую руку, да тот его остановил. Чуть приобнял и отправился по своим делам.

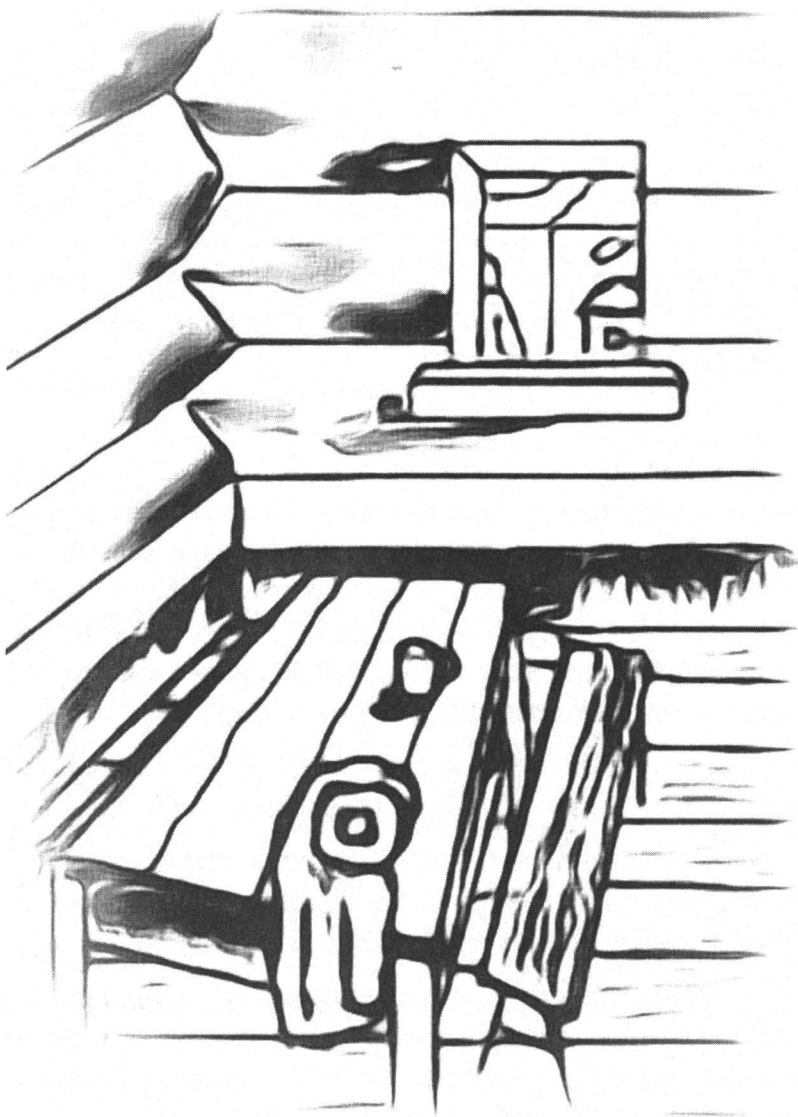
Ух, как обрадовался мальчик прянику! Крепко зажал его одной рукой под фуфайкой, как самое драгоценное сокровище. Заметив, что день клонится к вечеру и пора возвращаться в деревню, Ванюшка побежал домой.

Дома его уже жаждались. Сашка и Мишка, в грязных сереньких пальтишках и вязаных шапочках, как два оловянных солдатики, стояли возле калитки и, вытянув шеи, смотрели в разные стороны, не зная, откуда появится их старший брат. Когда же увидели его, спешащего по дороге, побежали навстречу, запищали от радости, захлопали в ладоши.

— Что ты принёс нам, братка? — заговорили они наперебой, заглядывая в глаза Ванюшке.

— Пряник я вам несу. Вкусный-превкусный, — зажмурился в предвкушении сладкого Ванюшка. — Пошли домой. Мамка сейчас на всех разделит.

Мать, услышав, что старший сын вернулся, да ещё и пряник принёс, спустилась с печи. Достала ржавую тёрку и натёрла на ней пряник. Крошки разделила на четыре части. Себе положила меньше всех. Сыновьям побольше.

Сашка и Мишка между тем возле стола крутились. Ждали, когда же мать выдаст им свои доли. Но мать детям крошки по чашкам сыпать не стала. По очереди каждому и себе ложкой под язык крошки ссыпала и попросила ребятню их сразу не глотать, а сосать помаленьку. Так они успеют насладиться вкусом, да и перебить голод, который мучил их уже пару дней.

— Работу нашёл? — тихим виноватым голосом обратилась мать к старшему сыну.

— Пока ещё нет, но я обязательно найду, — как можно убедительнее ответил Ванюшка, хотя и знал, что сделать это будет трудно, а точнее, почти невозможно. Судя по сегодняшнему дню, даже в городе работы ему не видать. Но он не мог огорчать своих мрачными новостями. Пусть они порадуются прянику, глядишь, и поспят спокойно.

Завтра наступит новый день, и кто знает, что он принесёт с собой.

Два дня подряд Ванюшка ходил в город, но всё безуспешно. Работа для него не находилась. Ребята постарше и покрепче устраивались грузчиками, а его никто не брал. Не верили люди, что он сможет унести мешок. Выглядел он уж слишком хилым.

Домой мальчишка возвращался поздно, когда малые уже спали. Утром — уходил пораньше, пока они ещё спали. Из еды принести ничего не удавалось. А как смотреть братишкам в глаза, если пришёл с

пустыми руками, Ванюшка не знал, поэтому-то и предпочитал приходить и уходить затемно.

На третий день мальчик уже было подумал начать попрошайничать. Стыдно было до ужаса, но ничего другого в голову не лезло.

Простояв с утра до обеда с протянутой рукой на рынке, он понял, что и здесь ему ничего не светит, — народ проходил мимо, будто он был человек-невидимка. Закручинился Ванюшка и побрёл по улицам города, боясь поднять голову, потому что в глазах его стояли слёзы. Мальчик принялся слоняться среди полуразрушенных домов уже не в поисках работы, а просто, лишь бы не стоять на месте. Думал, может, опять того доброго старичка, что дал ему пряник, встретит. Но нет. Знакомых у него на улицах города не было. Даже улыбающихся людей не попадалось.

Вот вроде война кончилась, а люди по-прежнему хмурились и грустили. Каждый бежал по своим делам, никого вокруг не замечая, не интересуясь ничьими печальями. Казалось бы, одна беда на всех, столько всего пройдено, люди должны сплотиться, сопереживать друг другу, но нет — все сосредоточились только на своих заботах и хлопотах.

Проходя мимо булочной, Ванюшка замедлил шаг. Его привлёк запах свежееиспечённого хлеба. У него аж голова закружилась от голода и немного затошнило. Мальчишка остановился и заглянул в магазинчик. Народ толпился возле лотков с чёрным

хлебом. Денег у Ванюшки не было, но аромат съестного так и манил, уговаривал зайти и хотя бы подышать чем-то съедобным.

Народ по-прежнему галдел и толкался, не обращая внимания на худенького оборвыша, который жадно сглатывал слюну и глядел то в лица людей, то на лотки с хлебом. В какой-то момент рука его сама потянулась к чёрному хлебу. Ванюшка почувствовал, как затряслись его поджилки. «Вдруг кто-нибудь увидит?» — крутилась в голове страшная мысль. Ведь если такое случится, ему несдобровать. Но всё обошлось, и спустя мгновение булка уже лежала у него за пазухой. Малец, каждую секунду ожидая, что его вот-вот схватят за шиворот, не оглядываясь, вышел из булочной.

Убедившись, что никто в его сторону даже не смотрит, Ванюшка поплёлся вдоль высокой изгороди, доверившись своим ногам, которые несли его, куда глаза глядят.

Вскоре он оказался в заброшенном парке, поросшим бурьяном. Сквозь сухую прошлогоднюю полынь и морковник виднелись разломанные деревянные скамейки. На голых ветках деревьев прыгали, громко чирикаая, серые воробьи. Никому, даже этим воробьям, не было дела до несчастного голодного деревенского мальчишки.

Ванюшке было необходимо найти укромное местечко, чтобы перевести дух и подумать, что делать дальше. Мысль, что он совершил преступление, не давала ему покоя. Наконец он нашёл более или менее уцелевшую скамейку, сел на неё, достал буханку и

положил рядом. Даже чуть её от себя отодвинул, как будто передумал брать хлеб домой. Его захлёстывал жгучий стыд. Он вор. Вор! Как он мог на такое решиться? Мальчик спрашивал себя и не мог понять, что с ним произошло.

Он, всю войну честно проработавший на заводе, вдруг в один миг превратился в преступника. Как теперь возвращаться к матери и ребятишкам? Взять хлеб, а матери соврать, что заработал? А дальше? Как жить дальше? Завтра опять воровать? Как же это ужасно и неправильно! А что оставалось делать? Работы не было, он умирал от голода, дома умирали от голода мать и двое младших братьев. Ради них он готов был на всё.

Долго сидел Ванюшка, размышляя о своей горькой доле, о будущем своей семьи, и не заметил, как к нему подсел немолодой мужчина. На нём было серое, уже не новое пальто и кепка. В руках он держал чёрную толстую папку с бумагами.

Внимательно рассматривая мальчугана, который скукожился в ветхой фуфаечке так, будто у него что-то сильно болело, мужчина осторожно задал ему вопрос:

— У тебя всё в порядке?

Мальчик вздрогнул и уставился на прохожего глазами, полными слёз. Мужчина, видя, что тот не понял вопроса, повторил его.

— Не особо-то, — потупился малец.

— Я могу помочь? — вновь спросил его мужчина.

— Не можете, — всхлипнул Ванюшка, но, подумав, попросил, повеселев: — А купите у меня эту булку?

Мужчина удивлённо посмотрел на мальчика, а потом на хлеб, что лежал между ними.

Ванюшка следил за его взглядом. Заметив недоумение в глазах незнакомца, мальчик махнул рукой:

— Не надо. Пусть... Ничего не надо.

— Расскажи, что у тебя случилось? — наклонился к нему мужчина. — Откуда ты? Где твои родители?

Ванюшка отвернулся. Минут пять эти двое сидели молча. Один ждал, а другой думал о том, рассказать или нет о своём проступке.

В конце концов, решившись, мальчик повернулся к незнакомцу и заговорил. Он рассказал, как в войну работал на заводе, а когда война кончилась, остался без дела, без пропитания, без надежды найти место, а дома его ждут больная мать и братья, которые вот уже третий день ничего не ели.

Он указал на хлеб и сказал:

— А это мой сегодняшний грех, который мне нести всю оставшуюся жизнь. Украл я его, украл.

После этих слов Ванюшка больше не мог сдерживать слёз. Рыдания, копившиеся в нём уже долгое время, вырвались наружу. Мужчина

переложил хлеб на другую сторону скамейки и придвинулся к мальчугану поближе. Он по-отечески обнял его, прижав к себе худенькое тельце мальчика.

Малец не пытался освободиться. Даже наоборот, посильнее воткнулся под мышку незнакомцу, пропитывая своими слезами драп серого пальто.

Слушая историю Ванюшки, мужчина ощутил, как в горле застрял комок, который мешал ему дышать. Сколько он прошёл за всю войну, сколько повидал, где только не был, сколько раз душа его разрывалась от страданий и жалости к раненым, умирающим бойцам, но всё равно того, что он чувствовал сейчас, никогда раньше не испытывал! Перед ним сидел пусть маленький, но настоящий мужчина, который взвалил на свои хрупкие плечи непосильную ношу. Взвалил и нёс её всё это время достойно.

Как же так получилось, что после войны он и его семья оказались никому не нужными? Разве так поступает со своими героями русский народ? Такой великий, могучий и благородный? Нет.

Значит, он должен исправить это недоразумение и вернуть смелому мальчугану веру в людей. Воскресить в его сердце радость, счастье — те чувства, о которых он, к сожалению, уже позабыл. Позабыл по вине взрослых.

— Как тебя зовут? — спросил он мальчика, трясущегося от слёз, которые всё ещё душили его.

— Ванюшка, — еле выдавил из себя малец.

— А меня зовут Иван Петрович. Мы с тобой тѣзки, оказывается, — заулыбался новый знакомый. — Я журналист. Работаю в местной газете. Пойдѣшь к нам работать? — предложил он мальчугану.

Тот поднял голову. Посмотрел в глаза Ивану Петровичу и, вытирая слѣзы, а точнее размазывая по впалым щекам грязь, дрожащим голосом произнёс:

— А вы не шутите?

— Что ты? Какие шутки! Всѣ серьёзно.

— Если серьёзно, то я согласен.

— Ну, всѣ. Завтра приходи. В восемь утра буду ждать тебя здесь. Вместе на работу и пойдѣм, — похлопал его по плечу Иван Петрович.

Ванюшка попытался улыбнуться, но у него ничего не получилось. Губы отчего-то скривились в непонятную ухмылку. Он верил и не верил словам Ивана Петровича. Мальчик так долго искал работу, что уже не надеялся, что у него что-то получится, и тут вдруг неожиданно работа нашлась. Это было из разряда чего-то невероятного.

— А теперь беги домой. Твои, наверное, уж заждались, — поправляя на мальчишке старенький картуз, произнёс мужчина.

— Ага. До завтра, — сорвался с места Ванюшка.

— Погоди! А хлеб? Дома ведь все голодные, — притормозил его Иван Петрович.

Мальчуган остановился, но возвращаться не спешил. Хлеб. Тот самый, что он украл.

— Бери. Деньги заработаешь, занесёшь в булочную и отдашь. Извинишься за свой проступок. Если что, вместе сходим, — кивнул ему Иван Петрович.

— И то верно. Заработаю и всё верну. — В глазах Ванюшки светились радость. — Спасибо вам большое!

Он снова подошёл к лавочке. Спрятал хлеб за пазуху. Протянул руку новому знакомому. Мужчина взял его маленькую ладонь в свою и слегка пожал.

— До завтра, Иван! До завтра!

Где-то в тайге

«Вот и лето! Каникулы! Счастье-то какое», — думала Машутка, лёжа в кровати и поглядывая на солнечных зайчиков, что прыгали по потолку. Мысли о предстоящих приключениях не давали покоя. Стрелка часов показывала всего лишь семь часов утра, но спать ей уже совсем не хотелось. Хотя всего неделю назад проснуться в это время было большущей проблемой.

— Ты не спишь? — заглянула в комнату мама.

Девочка прикрыла глаза, делая вид, что спит. Да, она уже проснулась, но вставать ей совсем не хотелось. Под одеялом было так тепло и уютно, а в ногах мурлыкал рыжий кот Василий. Больше не надо никуда торопиться, учить уроки, бежать в танцевальный кружок и арт-студию моды. Все кружки и школа отменяются до первого сентября, а скоро они поедут в деревню, к любимой бабуле, которую она не видела уже почти год.

Стоило только маме выйти из комнаты, Машутка открыла глаза и принялась смотреть на

зелёные листочки, которые покачивались от лёгкого дуновения ветерка за окном, едва касаясь стекла. На ветках прыгали воробьи и громко чирикали. Девочка представляла, что она в волшебном лесу. Ей ещё сильнее захотелось к бабушке, ведь у неё такой красивый сад с яблоньками и вишнями, а за огородом начинается настоящий лес, где живут белки, зайцы и ёжики. Вот бы прямо сейчас там оказаться!

— Сегодня нужно заехать в туристическое агентство и купить билеты в Турцию. Давно мечтала там отдохнуть, — услышала слова мамы Машутка. В тот же миг она вскочила с кровати и побежала к родителям.

— Какая ещё Турция? Я хочу к бабушке, — залепетала она.

— Каждое лето в деревню ездим. В этом году на море позагораем, — улыбнулась мама, а папа только пожал плечами. Он, похоже, тоже не очень-то хотел в Турцию.

— Я в Ромашково хочу. К бабуле! — Слёзы брызнули из глаз девочки.

Сколько бы родители ни уговаривали её, дочь ни в какую не соглашалась променять деревню на модный курорт. Спустя час мама решила:

— Так и быть, поезжай в Ромашково, а мы с папой полетим в Турцию.

Через три дня Машутка, довольная, сидела в поезде, поглядывая в окно на мелькающие за

стеклом зелёные поля, леса и небольшие посёлки. От радости сердце выпрыгивало из груди. Ещё немного, и она увидит бабулю, сможет обнять её, отведать вкусных-превкусных блинчиков с брусничным вареньем и, как уже давно мечтала, отправиться собирать лекарственные травы.

Путь до бабушки был неблизким. Дорога на поезде заняла чуть больше пяти часов. Скоро они с мамой зашагали по перрону в сторону вокзала, откуда автобусом доехали до небольшого провинциального аэродрома, который располагался на другом конце посёлка. Там они сели в вертолёт и с двумя местными полетели в Ромашково. Бабушка жила в глухом таёжном местечке, куда не ходили автобусы, а только раз в неделю летал вертолёт, который доставлял продукты и медикаменты.

— Фух! До Турции, похоже, легче добраться, чем до нашей бабушки, — устало произнесла мама, когда они подлетали к поляне, где их уже ждали.

— Даже если бы пешком, я бы всё равно поехала на каникулы именно сюда, — засмеялась дочка.

Мама посмотрела в иллюминатор. Под ними раскинулся небольшой луг, а дальше, насколько хватало глаз, виднелась только дремучая тайга.

Скоро вертолёт начал снижаться. Однако казалось, что это не они приближаются к земле, а земля спешит им навстречу, чтобы окутать своим теплом и ароматом трав.

— Какой воздух! Не то что в городе. Здесь пахнет цветами, — глубоко вдохнув, произнесла Машутка.

Спустившись с вертолѐта, девчушка сразу же увидела бабушку и кинулась в её объятия. Как же она по ней соскучилась! Прижалась к родному плечу и даже на пару секунд перестала дышать от переполнявших её чувств.

— Может, останешься? Ну её, эту границу, — заглядывая в глаза дочери, заговорила бабушка, но та не согласилась. Попрощавшись с родными, мама на том же вертолѐте улетела назад.

— Чем завтра займѐмся? — спросила за ужином бабушка. Она улыбалась. Чувствовалось, что счастьем её нет предела. Приезд внучки — важное событие, которого она ждала целый год. Машутка поймала на себе её светившийся радостью ласковый взгляд. Заметив морщинки, что разбегались вокруг глаз бабушки, словно солнечные лучики, девочка улыбнулась в ответ.

«Какая же она у меня хорошая», — подумала внучка, и сердце её окатила необыкновенная волна нежности.

— Давай сходим к роднику, — предложила она. Бабушка согласно кивнула.

Когда они легли спать, девочка, расположившись на диване в соседней комнате, ещё долго слушала стрекочущих за окном сверчков и бабушку, которая шептала перед сном молитвы. Ей

казалось, что та рассказывает какие-то волшебные сказки, потому что в молитвах говорилось о дворцах, Божьей благодати и Царствии Небесном. Она пыталась представить, какое оно, это Царствие. Судя по молитвам, окутывающим удивительной теплотой, там все жили счастливо.

На следующий день, подкрепившись парным молоком и пирогами с капустой, Машутка с бабушкой отправились к роднику, который находился в паре километров от деревни. С собой на всякий случай они взяли ещё выпечки, сыра и бутылочку смородинового морса.

Шагая впереди бабули, Машутка напевала песенку Винни Пуха, представляя, что они пошли в гости к зайцу. Однако скоро притихла, прислушиваясь к лесным звукам. То тут, то там раздавались звонкие птичьи трели, шелестели листья, трещали ветки. Видимо, совсем рядом с ними, в высоких зарослях папоротника, сустились мыши или другие лесные грызуны.

Узкая тропинка уводила путников в глубь тайги. Солнечные лучи мелькали яркими искорками на зелёной листве. Голову дурманил аромат редко цветущих огоньков, которые выглядывали из папоротника оранжевыми точками. Вокруг кружили надоедливые комары, пытаясь сесть на плечи и даже на лицо бабушке и Машутке.

Уже через час они были у родника, но путь к нему преградила старая ель, которая, касаясь нижними ветками земли, низко наклонилась над тропинкой.

— Надо же, недавно сюда приходила. Всё было в порядке. Когда она успела завалиться... — покачала головой бабушка. — Обойдём её, Машутка.

— Сейчас я, — махнула рукой Машутка и нырнула прямо под старую ель. Но не тут-то было: лапник оказался настолько густым, что зажал её внутри, не давая возможности продвинуться вперёд или вернуться назад.

Бабушка, видя, что внучка застряла, попробовала сломать несколько веток, но стоило потянуть их на себя, как дерево заскрипело, заскрежетало и, заваливаясь вбок, упало на землю. Чудо, что Машутка осталась цела! Девочка встала на колени и быстро поползла вперёд. Оказавшись на свободе, она оббежала дерево и увидела, что теперь в тисках тяжёлых еловых ветвей оказалась любимая бабуля.

— Не выбраться мне отсюда. Беги за помощью в деревню, позови деда Архипа. Скажи ему, пусть топор возьмёт, — слышался тревожный голос бабушки из густого колючего лапника.

— Я мигом! — сказала Машутка и понеслась со всех ног по знакомой тропинке назад, чувствуя вину за случившееся.

Отбежав всего несколько метров, девочка услышала громкий треск. На бегу оглянулась в сторону пугающих её звуков и увидела раскачивающийся папоротник. Какое-то животное быстро направлялось к тропинке. По коже Машутки побежали мурашки, сердце ёкнуло от страха. Она прибавила шаг, но потом всё же метнулась в сторону, чтобы спрятаться за деревьями.

На тропинку выскочил медвежонок, а через пару минут следом показалась и его мама, большая бурая медведица. Звери неспешно пробирались сквозь бурелом, втягивая ноздрями воздух и вынюхивая следы других животных. Неожиданно застрекотала сорока. Медведица насторожила уши и привстала. Медвежонок подбежал к матери и дружелюбно фыркнул.

От ужаса у девочки даже волосы на голове зашевелились. Едва дыша, Машутка присела за толстый ствол дерева и прижалась к нему спиной, глаза зажмурила. «Авось, пронесёт», — надеялась она.

Когда дыхание медведицы начало отдаляться, Машутка поняла, что мама и её малыш уходят. Боясь быть услышанной диким зверем, она пятилась, осторожно ступая по лесной подстилке. Машутка решила обойти медведицу стороной, а потом вернуться на тропинку. Однако когда девочка, свернув с маршрута и пробежав вперёд, попробовала снова выйти на знакомую дорожку, то найти её уже не смогла. Она догадывалась, что дорога домой где-то слева, но сколько бы ни поворачивала в том

направлении, тропинка не попадалась. Звать на помощь не хотелось, ведь медведица была не так далеко и тоже могла её услышать. Быть растерзанной диким зверем она боялась больше, чем потеряться в лесу. К тому же уверенность, что деревня где-то рядом, придавала сил и смелости продолжать путь.

Лес становился всё гуще, небо сквозь деревья уже почти не было видно. Ей всё чаще встречались сухие сломанные коряги, за которые она то и дело цеплялась, и даже следы диких зверей. Так, Машутка поняла, что, скорее всего, совсем недавно здесь пробегал кабанчик — отчётливые следы на влажной почве казались ещё довольно свежими. Попадались ей и огромные муравейники, высотой со стожок сена. Таких Машутка никогда раньше не видела. В деревне были небольшие муравейники, а в тайге — каких-то невероятных размеров! Через них не перешагнёшь, не перепрыгнёшь. Нужно обходить вокруг.

Протопав не один час по зарослям папоротника и прислушиваясь к далёкому кукованию кукушки, Машутка поняла, что заблудилась. Даже если она шла в правильном направлении, скорее всего, деревня осталась далеко позади. От мыслей о том, что она, девятилетняя девочка, одна в огромной тайге, что бабушка напрасно ждёт её с помощниками, что скоро вечер, Машутка почувствовала, что земля уходит из-под ног. Она прислонилась к высокому дереву и горько заплакала. Страх над уверенностью, что всё будет хорошо, всё же взял верх.

Ночь не заставила себя долго ждать. Подкралась незаметно, словно стараясь ещё сильнее напугать маленькую пленницу тайги. Но к тому времени Машутка совсем выбилась из сил. Она так устала и проголодалась, что дальше идти всё равно бы уже не смогла. Даже плакать перестала. Вся обратилась в слух и зрение. Ей казалось, что тайга с закатом солнца зажила другой, особенной жизнью. Отовсюду слышались незнакомые и страшные звуки: шорохи, чье-то рычание, стоны, уханье филина или совы. То тут, то там вырисовывались невероятные силуэты: горбатые гномы, размахивающие руками-крыльями привидения, огромные пауки, дикие звери со светящимися глазами. Сердце девочки трепетало от кошмаров, что подсовывала ей фантазия.

Тут Машутка вспомнила про ладанку, которую ей подарила бабушка, когда ей было пять лет. Бабушка ещё тогда сказала, что этот оберег будет защищать её от бед, хранить от сомнений, а в минуты отчаяния подарит ей надежду. Оказавшись одна-одинёшенька среди мощных вековых деревьев, Машутка села на корточки, прижавшись спиной к широкому дубу, обхватила ладанку ладошками и, крепко сжав её в дрожащих кулачках, начала вспоминать слова из молитв, которые вчера слышала перед сном. Чудные непонятные слова подбадривали и утешали.

Наконец, то ли от напряжения, то ли от усталости она погрузилась в сон. Сколько она проспала, не знала. Разбудил её горластый петух, кукарекавший совсем рядом. Открыв глаза, Машутка

увидела, что лежит в кровати в небольшой белёной низкой комнате. Девочка подумала, что это всё ей просто снится. Вот сейчас она ещё раз проснётся и окажется в ночном страшном лесу с медведями и летучими мышами. Бр-р-р! Тут она посмотрела в окошко, и её внимание привлекла тоненькая паутинка, нити которой покрывали прозрачные сверкающие капельки росы. В середине паутины завис паучок, нежа мохнатое брюшко под тёплыми солнечными лучами. Всё переливалось, дышало, двигалось, жило своей спокойной размеренной жизнью. И девочка, увидев всё это, возрадовалась солнцу — символу жизни. Ведь это значит, что жива и она.

В соседней комнате раздался шум, и в дверях появился старенький сухонький дедушка с длинными седыми волосами и белой бородой.

— Слава Богу! Проснулась! — тихонько заговорил он, добродушно разглядывая гостью. — Как ты, дитя моё, оказалась ночью в лесу?

— Кто вы? Где я? — недоумевающе спросила она.

— Серафим я. Живу здесь с сыновьями. Они тебя и нашли, принесли сюда спящую.

— Бабушка. Ей нужна помощь. Она возле родника. Её привалило деревом. Скорее идёте к ней, — заговорила Машутка и спрыгнула с кровати, ища глазами свою обувь.

— Так ты из Ромашково, что ли? — удивлённо спросил её дед Серафим. — Это же в

противоположной стороне от родника. Как ты сюда дошла? Диво дивное, чудо чудное.

— Я из города. Приехала к бабушке. Пошли с ней к роднику и попали в беду. Скорее, пожалуйста, ей нужна помощь. Я по дороге встретила медведицу с медвежонком, как бы они её не нашли и не съели, — дрожащим голосом залепетала Машутка. На глазах девочки навернулись слёзы.

Дед Серафим взял девчущку за руку и повёл на улицу. Там, у крыльца, стояли три его взрослых сына. Глянула на них Машутка и поняла — это те самые три богатыря из мультфильма. Один в один. Такие же высокие, широкоплечие, в белых с вышитыми узорами рубахах. Русые курчавые волосы братьев были перетянуты лобными повязками, что ещё больше придавало им сходство со сказочными героями. В городе с такими причёсками никого не увидишь, а тут как будто так и должно быть. У двоих из них были короткие бородки.

— Ярослав, Любомир, Елизар, — назвал дед имена своих сыновей, указывая рукой, кто есть кто.

— Машутка, — улыбнулась им девочка. — Спасибо, что спасли меня. Я уж думала, что достанусь волкам на съедение.

После рассказала про бабушку, попросила ещё раз помощи у добрых лесных богатырей. Те не отказали. Взяли топоры и поспешили на выручку.

Машутка осталась с дедом Серафимом.

— Не поспеешь за ними. Они у меня на ногу скорые. Да и пойдут короткой дорогой, через болото, а это очень трудный путь, — вздохнул старичок.

После дед Серафим и Машутка прошли на кухню, где стояла большая русская печь. Такие она видела только на картинках. Из печи хозяин достал пару глиняных горшочков с варёной картошкой и поставил на дубовый крепкий стол, где уже лежала круглая белая буханка, стоял кувшин с молоком, а в неглубокой миске манили солёные грибочки. Подкрепившись картошкой и грибами, дед Серафим принёс из сеней ароматного таёжного меда. Уплетая хлеб и мёд с молоком, Машутка подумала, что ещё никогда в жизни не ела ничего вкуснее. Об этом она сказала гостеприимному хозяину.

Тот расплылся в широкой улыбке.

— Я очень рад, что тебе понравилось! Очень рад!

Поблагодарив деда Серафима за угощения, гостя помогла убрать со стола и помыть посуду.

— Пойдём-ка, посидим под черёмухой. Солнышко хорошо пригревает, а под деревом прохладно. Там и будем ждать моих сыновей, — предложил дед.

Под черёмухой стоял небольшой стол с широкими лавочками. Устроившись поудобнее, Машутка не удержалась, спросила про налобные ленты.

— Дитя моё, это не просто повязка на голову, по-другому её называют «очелье». Носить его могут и

мужчины и женщины. Несведущий, увидев, такую повязку, подумает, что она для того, чтобы волосы не путались и не падали на глаза. Однако это не совсем так. Очелье — это ещё и оберег. Издревле знали, что своё тело и душу нужно защищать от злой сущности, иными словами, от выходцев Нави, которые несли множество болезней. Ещё ты наверняка слышала про колдунов и ведьм, так вот они могут наслать порчу или сглазить. Очелье от всего плохого и защищает. Моё очелье простое, а бывает ещё с различными узорами. Такие помогают привлечь удачу, любовь или, наоборот, отвести беду. Особенно красивые очелья женские. Их украшают бисером, кольцами, бусами, кистями из хлопка или других цветных нитей. Да чем только не украшают! И бывают они не только из ткани, а из кожи, бересты, даже металлические.

Машутка слушала и удивлялась, рисуя в воображении необычные украшения из прошлых времён.

— Жаль только, что сегодня такие обереги никто не носит, поэтому и лезут в голову нынешнему поколению дурные мысли. Впрочем, и длинные волосы, заплетённые в косы, нынче уже редкость. А ведь именно в них скапливается положительная энергия, так сказать, наша сила. И чем волосы длиннее, тем мы сильнее. Раньше волосы нельзя было стричь детям до семи лет, иначе они начинали болеть, а то и даже меняться характером. Причём не в лучшую сторону. С распущенными волосами тоже ходить запрещалось, не то что сейчас. Эх, что-то в этом мире пошло не так, — грубстно вздохнул дед

Серафим, а после минутного молчания продолжил: — Именно поэтому я со своей Матрёной, это жена моя, померла она два года назад, решил поселиться в тайге. Построил подальше от людей избушку, баньку, сараюшко. Здесь у нас сыновья родились. Сами учили их читать и писать, складывать цифры. Они у меня выросли добрыми, умными, неиспорченными.

Девочка слушала старичка и рассматривала двор, копошащихся в земле белых кур и гусей, высокие сосны и растущий рядом с ними пушистый шиповник. Избушка, в которой жил дед Серафим с сыновьями, была низкая, с крохотными оконцами. Крышу местами покрывал мох, а кое-где даже проросли пучки травы. Забор был крепкий, из тонких длинных жердей. На некоторых из них висели красные тряпки.

— Для чего это? — спросила Машутка.

— Иногда сюда забредают медведи. Красные тряпки их отпугивают. У нас, конечно, есть оружие, но стрелять лишний раз не хочется. Всё же мы пришли в лес не убивать, а жить, — пояснил старичок, доставая из-за пояса деревянную дудочку.

Через минуту дед Серафим заиграл удивительно нежную и волшебную мелодию. Музыка была настолько складной и естественной, что казалась частью тайги, а точнее, даже её песней.

Под звуки прекрасной мелодии из-за деревьев появились сыновья деда Серафима и бабушка Машутки. Девочка кинулась им навстречу. Крепко обняла бабулю, попросила прощения, что вовремя не

вернулась, не привела помощь. Бабушка вытирала слёзы, которые текли по её разрумянившимся от волнения и спешки щёкам.

— Хорошая, моя любимая! Натерпелась за ночь страхов. Ты меня прости, старую. Не надо было тебя отпускать. Меня же Архип скоро нашёл. Явился за водой и помог выбраться из-под ели. Мы потом тебя по тайге всю ночь искали, — с придыханием, низким грудным голосом говорила бабушка, как бы оправдываясь перед дедом Серафимом. — Низкий поклон вам, Серафимушко, за то, что вернули мне мою ягодку, моё сокровище.

— Всякое бывает. Особенно в тайге, — успокаивал гостей старичок.

На прощание подарил дед Серафим Машутке красивое очелье из атласных лент с бусинами.

— Носи на здоровье! — сказал он и обнял девочку.

Ярослав вызвался проводить гостей домой. По дороге он спросил Машутку:

— Небось, не приедешь сюда больше? Напугала тебя тайга, да?

— Я на все каникулы приехала. И следующим летом тоже приеду, — улыбнулась девочка, вышагивая по узкой тропинке и срывая на ходу мелкие листочки. — Здесь моя родина, мой дом, моя любимая бабушка. Я всю зиму жду этого путешествия и на поездки в другие места ни за что не променяю. Пусть и трудно до Ромашково добраться, зато здесь я по-настоящему счастлива!

Бабушка шла чуть позади, слушала Машутку и тихонько, краешком голубой косынки, что висела у неё на шее, вытирала выступившие на глазах слёзы радости. Умная у неё внучка растёт, всё понимающая и знающая цену по-настоящему важным вещам. Даст Бог, так будет и дальше. Уж бабушка постарается посеять в её душе добрые правильные мысли!

Я буду как папа

На улице стояла солнечная и по-осеннему тёплая погода. Я прогуливалась по парку, любовалась жёлтой листвой, что шуршала под ногами, и радовалась последним ясным денькам. Моё внимание привлекли два мальчика, которые возились в песочнице на детской площадке. Они весело смеялись, загружая в кузова своих маленьких грузовых автомобилей рыхлый песок. На скамейке возле песочницы сидела пожилая женщина и не сводила с детей влюблённого взгляда. Нетрудно было догадаться, что это их бабушка.

Я осмотрелась. Свободных лавочек поблизости не было, поэтому я села рядом с женщиной, поздоровалась. Та глянула на меня, улыбнулась и снова принялась следить за ребятами. Несколько минут мы сидели молча.

— Присматриваю за внуками, — вдруг заговорила она и кивнула в сторону мальчишек. — Отец-то их погиб. На шахте работал. Ушёл на работу и не вернулся. Говорят, взрыв метана...

Она посмотрела куда-то в сторону долгим задумчивым взглядом, а я почувствовала, как к горлу

подкатил ком, захотелось обнять её и утешить. Женщина тем временем стянула с головы платок:

— Совсем седая стала, как узнала, что больше никогда не увижу сына.

Тут один из мальчиков, лет пяти, подбежал к нам и потянул бабушку к песочнице.

— Бабуля, посмотри, как хорошо я загрузил камаз! Давай отвезём этот уголь нашей соседке. Скоро ведь зима. Она без угля замёрзнет.

— Хорошо, Сашенька, отвези, — погладила мальчугана по голове бабушка. — Муж у меня шахтёр. Уже, правда, на пенсии. Я всю жизнь проработала рядом с углём, «Ветерана труда» получила. Сын был шахтёром. Внуки вот растут. Наверное, тоже пойдут по стопам отца.

— Кем ты мечтаешь стать, когда вырастешь? — обратилась я с вопросом к младшему.

— Уголь буду возить на самом большушем белазе, который есть на всём белом свете, — важно ответил малыш.

— Ты же говорил, что хочешь быть подписальником, — засмеялся его старший брат, мальчик лет десяти.

— Хотел. А теперь передумал, — обиженно ответил Саша.

— Эх, подписальником-то работать было бы куда безопаснее... — вздохнула женщина, и весёлые искорки заиграли в её глазах.

Я не удержалась и спросила:

— Кто такой подписальник?

— А это дяденька, который ходит на работу, чтобы с утра до вечера подписывать разные бумажки, — важно ответил Саша.

— Это он про директоров говорит, — добавил его старший брат.

Ребята, их бабушка и я громко засмеялись. А когда смех утих, Никита сказал:

— Я буду как папа. Хочу в шахте уголь добывать. Как только со школой разберусь, пойду в институт, где учат на шахтёров. А ещё что-нибудь изобрету. Чтобы люди могли работать под землёй и ничего не бояться.

— Какой ты смелый и умный мальчик, — похвалила я его.

— Пока ещё нет. Но обязательно стану, — утвердительно кивнул Никита.

— Но ведь есть много других профессий, которые также очень нужны. — Меня всё больше и больше захватывала наша беседа.

— Знаю. Но для меня эта — самая-самая. Я всё обдумал, — решительно заговорил он. — Я уже взрослый и понимаю, что для нашего края важна эта работа. Даже бабуля говорит, что в каждой крупинке угля пот и кровь наших шахтёров. — Никита посмотрел на бабушку и, прочитав в её глазах одобрение, продолжил: — Недавно мы были в шахтёрском музее, и я узнал столько интересного! Например, что раньше шахтёры вручную долбили

уголь, и отвозить его на склад им помогали лошади, которые всю жизнь проводили под землёй. Может, вы слышали об этом?

Я отрицательно покачала головой. Да, мне, к сожалению, мало что известно о шахтёрской профессии, хотя я и живу в Кузбассе. Мне даже стало стыдно перед этим мальчиком, который знал о тяжёлом труде шахтёров больше меня. Никита же увлечённо продолжал:

— А ещё, а ещё вы знали, что глубина шахты может быть четыре километра или даже больше? И именно у нас, в Кузбассе, находится шахта, которая считается самой глубокой в России. Я только забыл, как она называется. — Мальчик снова внимательно посмотрел на бабушку.

— Распадская, — подсказала та.

— Когда я отучусь и начну работать под землёй, меня всегда будут ждать дома мама, бабушка с дедушкой и Сашка. Ты же будешь меня ждать? — подмигнул Никита брату.

— Само собой. Но лучше пусть нас ждут мама и бабушка с дедушкой. Я тоже хочу ходить на работу, — поджав губы, сказал Саша. — Давай в школу не пойдём, а сразу в армию, потом на шахту.

Никита потрепал брата по плечу, но ничего не ответил на его предложение.

— Мечтаешь о новых горизонтах под землёй? — спросила мальчика я.

— Я хочу быть проходчиком — рыть тоннели, то есть дороги для других рабочих. Это же так интересно! Сколько дорог есть на земле, и люди могут добраться по ним, куда захотят. А под землёй дорог мало. Вот я и проложу их. Мои дороги будут вести людей к подземным красотам и сокровищам! На шахтёров будут смотреть как на героев, ведь они — первооткрыватели неизвестного нам мира. Эх, если бы я смог сделать дорогу до ядра земли... Может, тогда бы я стал кавалером «Шахтёрской славы» и родные бы мной гордились. — На лице мальчика проступил лёгкий румянец. Видимо, он понял, что слишком разоткровенничался.

— Я тогда тоже хочу быть проходчиком, — поддакнул ему младший братишка. — Мне вчера дядя Федя сказал, что ему путёвку на море дали, а всё потому, что он шахтёр. Поедет теперь отдыхать, загорать, купаться. Хотя я вот думаю, зачем ему на море? Он ведь и так чёрный.

— Он чёрный не от загара. Вот ты даёшь! Он просто уже угольной пылью пропитался, — усмехнулся Никита.

— И он поедет на море, чтобы пыль эту смыть? Вот здорово! Когда я вырасту, тоже поеду на море. Ты, бабуля, не переживай. Тебя я возьму с собой.

— Хороший ты мой. Вырасти сначала, а там посмотрим. — Бабушка обняла внука и поцеловала его в темечко.

— Дядя Федя ещё сказал, что шахтёр — это почётная профессия, для настоящих мужчин, работа для сильных и смелых. А я как раз такой.

— Да-а-а-а. Ты такой! — захолопал в ладоши Никита и снова весело засмеялся. — Вчера, когда наш кот Васька ловил мух и одна из них села тебе на нос, помнишь, как ты визжал? У кота от страха шерсть встала дыбом, а как мама испугалась — я вообще молчу!

— Засиделись, — спохватилась женщина, — пора домой. Скоро ваша мама с работы придёт. Да и Никите ещё уроки учить нужно.

— До свидания, — дружно попрощались со мной ребята и побежали в сторону парка.

— До свидания. Всего вам доброго! — пожелала я удачи новым знакомым.

Женщина с трудом приподнялась со скамейки и неспешно направилась за внуками, за будущими героями шахтёрского труда. Я осталась у песочницы одна. Лёгкий ветерок играл опавшей листвой, разнося её по тропинкам, а где-то там, под землёй, куда не проникают лучи солнца, благородные и отважные люди работали не покладая рук, чтобы их дети могли жить на этой земле достойно и с уверенностью в завтрашнем дне.

Содержание

История Ванюшки.....	7
Где-то в тайге.....	30
Я буду как папа.....	49

Литературно-художественное издание

16+

Маркинова Татьяна Николаевна
Нужно верить

Редактор: Яна Козлова

Корректор: Яна Козлова

Иллюстратор: Екатерина Фролова

Вёрстка: Татьяна Маркинова

Макет обложки подготовлен издательством «Эдитус»

ООО «Эдитус»

125565, Москва, Ленинградское шоссе, д. 80, стр. 1

8 (800) 775-30-87

www.editus.ru

Отпечатано в типографии ООО Фирма «П-Центр»

129515, г. Москва, ул. Академика Королёва, 13

Подписано в печать 28.02.23

Формат 148х210. Усл. печ. л. 3,5

Печать цифровая. Бумага офсетная

Тираж 200 экз. Заказ № 202302227

ISBN 978-5-00217-036-4

ISBN 978-5-00217-036-4

www.editus.ru

9 785002 170364 >